

Мис. № 194

с. 2

Объ Овсянко-Куликовскомъ и А. Чеховъ.

Замечания читателя.
(Окончание).

Неудивительно послѣ этого, что Чеховъ сотрудничаетъ въ «Жизни» и въ «Нивѣ», что называетъ его Суворовъ, и одобряетъ Струве и въ самое послѣднее время—Н. К. Михайловскій. Но любить-ли кто-нибудь Чехова такъ, какъ любить Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Некрасова, Салтыкова, Гл. Успенскаго, Наумова, А. Толстого, и въ юнѣйшихъ Короленко, Н. Я., можетъ быть Горькаго,—т. е. какъ выразителя задумчивыхъ думъ и стремлений читателей? Сомнѣваться не приходится къ Чехову, съ другой стороны, и слова поэта: «со мной спорить его клинуть, и только трудъ его увидя, какъ много сдѣлалъ онъ—поймуть, и какъ любилъ онъ, невзлюбилъ». Чехова никто не клинетъ.

Высота произведенія искусства определяется количествомъ и качествомъ представленій, вызываемыхъ у зрителя или слушателя. Представленія перваго порядка—это тѣ, которыя непосредственно относятся къ содержанию произведенія; представленія второго порядка связаны съ данными произведенія искусства только тѣмъ, что являются въ результатѣ того теченія образовъ и мыслей, первоначальный толчокъ которому даетъ стили произведенія. Простота образовъ, полнота и ясность содержания произведенія определяют интенсивность теченія представленій въ определенномъ направленіи. Существуютъ

искусства съ определенными ассоціациями представленій (живопись, поэзія и т. п.) и искусства съ неопределенными ассоціациями представленій (напр. архитектура и музыка). Музыка передаетъ не образы и не чувства, а лишь характеръ движенія. Содержанія ассоціаций музыка не предопредѣляетъ. Одна и та же музыкальная пьеса дѣйствуетъ на разныхъ слушателей въ различномъ направленіи, въ зависимости отъ ихъ предшествующаго настроенія. Одна и та же музыкальная пьеса можетъ доставлять одинаковое по силѣ наслажденіе лицамъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, возрастовъ, положеній, настроеній и т. п. Въ инструментальной исполненіи Марсельеза одинаково явится и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ; но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Петербургу понравилось вокальное исполненіе этой пьесы.

Повѣсть Чехова «Въ оврагѣ» это тоже своего рода произведеніе искусства съ неопределенными ассоціациями представленій. Неопредѣленность эта, конечно, очень относительна и касается только ассоціаций втораго порядка. Повѣсть нарушаетъ принципы, установленные эстетиками, но она читается съ интересомъ, производитъ впечатлѣніе и сдѣлаетъ право на существованіе. Можетъ быть, оригинальность Чехова въ томъ именно и состоитъ, что онъ обнимаетъ двѣ категории искусства, дѣлаетъ рѣзкое обобщеніе, и этимъ увеличиваетъ чуждо-бывъ эстетическаго наслажденія. Но для доказательства этой идеи Чехову пришлось поддерживать очень хитро...

Ал. Ст. Михайловскій, — это одностороннее общественное безличіе, и вотъ въ

откровенную минуту признается, что «нельзя былъ взгляда... Вотъ объ туркскихъ дѣлахъ читаешь—и тутъ взгляды себя составляютъ... Мы, публика, взгляды составляемъ, а начальство возмаетъ да взгляды наши и поправитъ!.. Мы не имѣемъ основанія приписывать Чехову, какъ челоѣку, подлинныя качества; какъ писателю онъ тоже не Михайловскій, ибо не предоставляетъ начальству направлять свои взгляды. И если изъ его произведеній отсутствуютъ не только общественное міросозерцаніе, но даже и простой «взглядъ на туркскія дѣла», — то, это очевидно, дѣлаетъ искусственнымъ. Неважно могла вѣдать въ увлеченіи и основанія ошибокъ. У Чехова нѣтъ ни того, ни другого. При чтеніи повѣсти такъ и кажется, что авторъ при отбрасываніи старательно выгнать все, что имѣетъ характера, определенности во взглядахъ на общественныя формы. Даже, наконецъ, внутренній панегирисъ Чехова Андреевичъ, говоря объ оригинальности нашего балетриста, отбрасываетъ не только содержаніе его произведенія, а особенности стили, выдержанность тона и настроенія.

Овсянко-Куликовскій указываетъ, что описывая ту же провинцію, какъ-то «Въ оврагѣ», Чеховъ по-разному намека на символъ давая понять, что на Руси крикъ дѣлается въ что-то другое. Вы знаете, что въ этомъ намека дѣлаетъ блеснуть яркій позитивскій образъ, который какъ молнія осветитъ картину, ведущую насъ въ оврагъ, и въ тоже время раскроетъ тайный уголокъ души автора. Не чуждо было бы! Вотъ въ сущности нѣтъ это символическое шествіе.

То же: М. Ольминскій. Объ А. Чеховѣ и Овсянко-Куликовскомъ. В его кн.: По литературнымъ вопросамъ. М.-Л., ГИХЛ, 1932, с. 100—103

«Было и дурное, было и хорошее. Вот и помирить не хочется, милая, еще бы годочек, двенадцать пожить; а иначе, хорошего было больше. А велика катушка России! Для старика-крестьянина нежелание умирать значит именно то, что он думает; но мы объясняем себе это нежелание просто отсутствием, не животною организмом физиологической основы для инстинкта смерти. И если даже фразу «велика Россия» понимать не в смысле пространственной величины, хотя и в контексте повести, скорее можно думать, что речь идет именно о пространств. Иначе смысл Чехова, являющийся отдаленно от эстетического эстетизма, был бы самым слабым аргументом. А при этом получалось оттого, что политический образ не мог бы обойтись без содержания. Но этой же причиной Чехов не может, по крайней мере, Овсянко-Куликовского, выводить из области идей и бессознательности, ибо бессознательность предполагает для бытия с собой сознательность, т. е. идею, определяющую содержание.

Повесть Чехова могла бы вполне удовлетворить только читателей того времени, когда еще думали, что герои творят судьбу, или что мысленная личность или среда, человек в чистом виде. Но опровержение такого взгляда и господство исторической точки зрения на всекое явление вошло в плоть и кровь человека XIX века. Опрощение от общественных форм стало невозможно для художника-психолога реальной школы. Изначальная ошибка психистов Чехова в том, что они предлагали в нем ту же идею, которая обыкновенно предлагается в бел-

летристикам-реалистам. Эта идея в понятии Чехова не приложима. Не важно, как мы назовем чеховскую манеру писать: неореалистической, или символической, или лирической, или специфически чеховской. Это будет спор о словах.

Во всяком случае Чехов не отрицал таких понятий, но отрицал, что бы пошел в будущее все художественное творчество. Старый реалистический роман с определенными общественными мировоззрением и с ясной причинной последовательностью событий отличался существенной потребностью духа людей высшего умственного развития и, одними созданными, не может исчезнуть. От Чехова, как от музыканта или архитектора, была потребность требовать определенного мировоззрения. Может быть, являющаяся последняя была бы ценными приобретением для людей того направления, в котором прикинул бы Чехов. Но этот Чехов уже не был бы чеховским Чеховым. Андреевич считал чеховское представление отсутствием мировоззрения с оригинальностью такового, а являющаяся мировоззрением? Конечно, это слабый недостаток Короленко, и оригинальность Чехова — дело воображения Андреевича.

Овсянко-Куликовский чувствует силу творчества Чехова, но неправильно истолковывает характер. Основная ошибка этого критика в том, что, прилагая к Чехову реалистическую идею, он не видит, что повесть не то, что и не является таковой, а то, что должно было заключаться в хорошем беллетристическом произведении реальной школы.

✓ С. С. С. С.